

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора Щегловой Татьяны Кирилловны на диссертационное исследование Фостовой Сюзанны Андреевны «Историко-культурное наследие в фокусе региональной политики памяти в Калининградской области (1945—1991 гг.)», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 - Отечественная история (исторические науки)

Диссертационное исследование Сюзанны Андреевны Фостовой посвящено политике памяти и ее реализации на территории Калининградской области. Оно проведено в русле актуальных направлений междисциплинарных исследований, связанных с культурной и исторической памятью, с акцентуацией на *memory studies*. В соответствии с ключевым положением *memory studies* диссертантка предприняла удачную попытку доказать, что прошлое является не столько стабильным конструктом, сколько процессом на примере историко-культурного наследия и культурной памяти Калининградской области

Актуальность выполненной работы определена запросом современных государственных и общественных практик в обобщении разного опыта по изучению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия. Как пишет исследовательница, эта потребность обостряется «на стыке исторических эпох, в период таких радикальных социально-политических катаклизмов», к которым относится и современный этап. Научная и практическая значимость повышается в связи с тем, что Сюзанна Андреевна имела уникальную исследовательскую ситуацию - выявить как политика памяти формирует исторический региональный нарратив и культурный ландшафт на ограниченной, фактически обнуленной войной и переселениями территории, в ограниченный период существования - в рамках советского государства, советского строя и советской политики. Это позволило через анализ на региональном уровне взаимосвязи политики памяти и культурного строительства выйти на общие проблемы соотношения регионального и государственного в этих процессах; взаимоотношений власти и общества.

Новизна работы соискателя определена ее пионерским характером. Историко-географический анализ показал, что С.А. Фостовой привлечен большой круг литературы, которая охватывает результаты научных исследований по теме диссертации, начиная с 1940-х гг. до наших дней. Автор проводит глубокий анализ как конкретно-исторических так и концептуально-теоретических работ. Это позволило ей показать, как рождались направления изучения и конструирования прошлого в русле новых подходов. Автор делает акцент на истоках и результатах изучения исторической политики памяти, конструирования культурного ландшафта, как в целом по стране, так и в регионе; а также подходы и их реализация в устной истории, в *memory studies*. Для работы с региональной версией исторического нарратива и историко-культурного наследия ею привлекается обширный круг исследований «посредников политики памяти» - работы краеведов и ученых, исследования музейного дела, топонимики, архитектуры, разных отраслей культуры - литература, кино, театры, периодики и др. В целом, проведенный ею во Введении анализ истории изучения особенностей региональной исторической памяти и ее трансляцию в историко-культурное наследие можно признать полным и успешным.

Содержание проведенного исследования обусловлено определением автором объекта, предмета, целей и задач исследования. Обычно эти компоненты сопрягаются между собой и вытекают одно из другого. На наш взгляд, предложенная автором формулировка не совсем удачна. Если *объектом* автор определяет региональную политику памяти, то предметом могло стать культурное строительство или историко-культурное наследие, как конструкт региональной политики памяти. Тогда и цель, которая как правило, вытекает из предмета может определяться не только как содержание и особенности, но и реализация политики памяти, собственно, чему и посвящено исследование – выявлению особенностей формирования историко-культурного наследия и культурной памяти региона в соответствии с региональным историческим нарративом.

Привлечение солидного *корпуса источников* обусловлено изучением

широкого спектра памятных мест и их «посредников»: памятников, архитектуры, музеев, топонимики, периодической печати, СМИ, литературы и др. Ею выявлены и введены в научный оборот неопубликованные источники из 23 фондов только одного Государственного архива Калининградской области. Также были привлечены документы Калининградского городского архива и фонды ведомственных архивов - областного историко-художественного музея, областной научной библиотеки. При этом стоит отметить, что соискатель профессионально анализирует и использует архивные источники для решения поставленных в диссертации задач. Умело она обращается также с разнообразными опубликованными источниками. Удачным приемом, например, является изучение репрезентации историко-культурного наследия через анализ изданных путеводителей за разные годы, которые в сочетании с неопубликованными документами из областного совета по туризму и экскурсиям ГАКО позволили выявить способы и направления репрезентации области. Большая работа с региональной периодической печатью, особенно впечатляет сплошная выборка Калининградской правды, позволила определить расстановку акцентов в формировании региональной исторической памяти и регионального нарратива. Отличная ориентация соискательницы в большом массиве источников проявилась в их профессиональном анализе во Введении и интерпретации в основной части диссертации.

К *структуре работы* замечаний нет. Диссертация состоит из введения, 4 глав, включающих 12 параграфов, по три в каждой главе, заключения, списка использованных источников, списка литературы. Исследование строится в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Условно первая глава посвящена послевоенному сталинскому времени, вторая – периоду хрущевской оттепели, третья – брежневскому периоду и четвертый - горбачевской перестройке.

Структуру и содержание глав характеризует внутреннее единство и смысловая завершенность. В соответствии с научной логикой в первой главе диссертации на основе анализа конструирования регионального исторического

нарратива, топонимической системы, архитектурных форм, памятников вводится и обосновывается первый послевоенный этап реализации политики памяти и трансформации культурного ландшафта. Во второй главе анализируются полиграфическая продукция, литература, топонимика, каркас конструкции музея и архитектура. В третьей главе - урбанистические практики, монументальная пропаганда, туристско-полиграфическая продукция, музейная экспозиция. И в четвертой главе - рассматриваются изменения в исторической политике, историческом нарративе и историко-культурном ландшафте под влиянием перестройки и государственно-политической «перезагрузки».

В соответствии со смысловой логикой проводится сравнительный анализ тех или иных компонентов исторической политики и культурного ландшафта на разных этапах «советизации» области. Так в первой, второй, третьей, четвертой главах симметрично особенностям периодов рассматриваются градостроительные практики и строительство памятников, что позволяет выявить тенденции развития на протяжении всего советского периода. Сквозной темой являлся анализ топонимики – от ее формирования в контексте новых нарративов до «топонимической системы в свете гласности». Музеям как трансляторам и рычагам исторической памяти посвящены параграфы в 2-й и 3-й главах. Магистральным направлением во всех четырех главах являлось конструирование региональной исторической памяти через издательское дело, визуальный канон, монументальную пропаганду и т.д.

Отметим, что привлечённый корпус источников и литературы позволил говорить о тенденциях и закономерностях развития историко-культурной среды с позиции той части общества, которая находилась у власти, а также общественных деятелей и интеллигенции, связанных с историческим просветительством, образовательной и научно-культурной средой. Многие из них являлись не только коммуникаторами между властью и обществом, но и реализаторами политики памяти как на государственном, так и на региональном уровне. В этом отношении автор исчерпала все источники и пришла к убедительным выводам, изложенным в положениях, выносимых на защиту.

В качестве пожелания можно посоветовать обратиться наряду с исторической и культурной сферами, которые тесно сопрягаются с политикой памяти, к социальной памяти представителей нижних этажей регионального общества – участникам или очевидцам конструирования историко-культурного наследия. Это позволит добавить доминирующий «взгляд сверху вниз» на формирование мемориального ландшафта или топонимической системы «взглядом снизу вверх», используя методы устной истории – т.е. «устной историей снизу вверх» и историей изнутри – от рядовых участников событий. Где совпадала или не совпадала историческая политика памяти сверху и социальная память снизу, в т.ч. в отношении к историко-культурному наследию. Впрочем, в этом ключе можно говорить как о перспективе исследования, т.к. под таким углом зрения прямой задачи не ставилось.

В заключении проведенного исследования автор аргументированно сделала выводы по рассмотренным вопросам, в соответствии с теми задачами, которые ей ставились. Автору удалось концентрированно подвести итоги исследования.

Вместе с тем, за границами исследования остались ряд вопросов, от решения которых оно бы только выиграло. Один из них связан со сравнением процессов интеграции других «обнуленных» территорий Восточной Пруссии - Клайпедского края в состав Литовской ССР и Варминьско-Мазурского воеводства в состав Польши. Было бы интересно определить толщину линзы «политико-идеологической» лупы или, пользуясь терминами диссертантки, «цензурно-идеологического фильтра» в формировании регионального нарратива, историко-культурного наследия, тем самым сравнить методы и технологии «изгнания прусского духа», политики памяти и культурного строительства. Это бы позволило выйти и на такие глобальные вопросы - как государственная политика и государственное строительство на тех или иных новых территориях влияет на интеграцию их в состав государства, определить, какую роль играет политика памяти и культурное строительство в этих процессах? Эти вопросы для сегодняшнего дня в совокупности являются актуальной

проблемой.

Другой вопрос относится к сравнению оценок исторической памяти и историко-культурного наследия Калининграда с другими городами, например, Балтийском, Светлогорском, Зеленоградском и другими, а также сельскими поселениями. Выявить особенности, тенденции, закономерности, что усилило бы общие выводы и результаты. Хотя автор оговаривает, что основная работа написана на материалах Калининграда, и на наш взгляд, это несколько бы не уменьшило проделанную работу.

Так или иначе, заданные вопросы не снижают высокого уровня проведенного исследования. К достоинствам работы можно отнести глубокую терминологическую проработку понятий, находящихся в дискурсе новационных подходов. Отметим, что такая тщательность работы с понятиями похвальна и не всегда встречается в кандидатских диссертациях. Хотя увлечение новой терминологией и переносом ее из естественных наук в «неестественные» - гуманитарные, иногда кажется излишним (продуцент, мнемонический – мнемоника) и не всегда оправданным.

В конечном счете, можно прийти к заключению, что автору удалось достичь цели, реализовать задачи и выйти на самостоятельные авторские выводы. Основные выводы диссертационного исследования были представлены автором в 19 статьях, 6 из них в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Тематика опубликованных работ сопрягается с задачами исследования, соответствует отдельным частям диссертационного исследования. Автореферат работы, несмотря на отсутствие выделенных параграфов в структуре глав, адекватно отразил содержание диссертации, написан внятно, ясно, хорошим научным языком. Диссертационная работа Сюзанны Андреевны Фостовой «Историко-культурное наследие в фокусе региональной политики памяти в Калининградской области (1945—1991 гг.)», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, является самостоятельным и законченным исследованием по актуальной научной проблеме. Работа отвечает требованиям пп. 9-14, «Положения о присуждении ученых степеней»,

